

Provisional

For participants only

28 December 2018

Russian

Original: English

Комиссия международного права
Семидесятая сессия (вторая часть)**Предварительный краткий отчет о 3429-м заседании,**
состоявшемся во Дворце Наций, Женева, в пятницу,
13 июля 2018 года, в 10 ч 00 мин**Содержание**Организация работы сессии (*продолжение*)Защита окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами (*продолжение*)

Поправки к настоящему отчету должны представляться на одном из рабочих языков. Они должны быть изложены в пояснительной записке, а также внесены в один из экземпляров отчета. Поправки следует направлять *в течение двух недель с даты выпуска настоящего документа* в Секцию английского письменного перевода, комната E. 6040, Дворец Наций, Женева (trad_sec_eng@un.org).

GE.18-11825 (R) 211218 281218



* 1 8 1 1 8 2 5 *

Просьба отправить на вторичную переработку



Присутствуют:

Председатель: г-н Валенсия-Оспина
Члены: г-н Аргуэльо Гомес
г-н Вако
г-н Васкес-Бермудес
сэр Майкл Вуд
г-жа Галван Телиш
г-н Гроссман Гилофф
г-н Джалло
г-н Загайнов
г-н Лараба
г-жа Лехто
г-н Мерфи
г-н Мурасэ
г-н Нгуен
г-н Нольте
г-жа Орал
г-н Пак
г-н Петер
г-н Петрич
г-н Раджпут
г-н Райниш
г-н Руда Сантолариа
г-н Сабоя
г-н Сиссе
г-н Тлади
г-н Уззани Шахди
г-н Хассуна
г-н Хмуд
г-н Хуан
г-н Штурма
г-жа Эскобар Эрнандес

Секретариат:

Г-н Ллуэллин Секретарь Комиссии

Заседание открывается в 10 ч 10 мин.

Организация работы сессии (пункт 1 повестки дня) (*продолжение*)

Председатель обращает внимание на программу работы, предложенную Бюро на оставшуюся часть семидесятой сессии Комиссии. Он говорит, что, насколько он понимает, Комиссия желает утвердить эту программу.

Решение принимается.

Защита окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами
(пункт 7 повестки дня) (*продолжение*) (A/CN.4/720)

Председатель предлагает Комиссии продолжить рассмотрение первого доклада Специального докладчика по вопросу о защите окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами.

Г-н Нольте говорит, что он согласен со Специальным докладчиком в том, что охрана окружающей среды в условиях оккупации является результатом взаимодействия норм, регулирующих режим оккупации, международного права прав человека и международного экологического права в тех случаях, когда нормы, регулирующие режим оккупации, функционируют в качестве *lex specialis*. Он также поддерживает предложение Специального докладчика о проектах принципов, сформулированных в общих выражениях и применимых ко всем формам оккупации. В комментарии можно было бы разъяснить, что точная сфера действия какого-либо особого обязательства будет зависеть от характера и продолжительности оккупации. Он соглашается с тем, что значение некоторых терминов, относящихся к нормам, которые регулируют режим оккупации, может с течением времени изменяться.

Он поддерживает содержание проекта пункта 1 принципа 19 в измененной Специальным докладчиком редакции, которую он предложил в своем устном выступлении. Термин «природоохранные соображения» может быть далее разъяснен в комментарии наряду с термином «администрация», который может включать в себя осуществление делегированных полномочий со стороны частных субъектов. Хотя он в принципе согласен с пунктом 2, он интересуется, не следует ли также требовать от оккупирующей державы соблюдать международные юридические обязательства оккупированного государства, касающиеся защиты окружающей среды. Этот пункт в его нынешнем виде следует положениям статьи 43 Положения о законах и обычаях сухопутной войны (Гаагское положение) 1907 года и статьи 64 Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны (четвертой Женевской конвенции), которые отражают консервационный принцип, который на в то время в первую очередь был направлен на соблюдение внутреннего права, в то время как в настоящее время положения об охране окружающей среды формируются также и на основе международных соглашений. Несмотря на то, что термин «законодательство» может рассматриваться как охватывающий также и международно-правовые обязательства, возможно, было бы целесообразным добавить после слов «законодательства оккупированной территории» фразу «и его международных обязательств».

Как и г-н Хассуна, он считает, что проект принципа 19 можно было бы усилить путем включения в него третьего пункта по образцу второй пункта руководящего положения 5 Руководящих принципов для военных уставов и инструкций по охране окружающей среды в периоды вооруженных конфликтов, с тем чтобы он гласил: «Обязательства оккупирующей державы в соответствии с международными соглашениями и нормами обычного права, касающихся охраны окружающей среды, могут по-прежнему применяться в ситуациях оккупации в той мере, в какой они не противоречат применимым нормам права вооруженных конфликтов». Эта формулировка будет соответствовать разработанным Комиссией проектам статей о последствиях вооруженных конфликтов для международных договоров, где в проектах статей 6 и 7 и приложении с g) по i) подразумевается, что договоры об охране окружающей среды продолжают действовать, полностью или частично, в ходе вооруженного конфликта.

Хотя в целом он поддерживает проект принципа 20, возможно, его следует немного переформулировать, поскольку, как Специальный докладчик признает в пунктах 93, 94 и 97, правовое значение и точное содержание термина «устойчивое использование» является спорным. Во многих случаях, приведенных в пункте 95, когда международные суды или трибуналы ссылались на этот термин, они либо не придавали ему конкретного правового значения, либо использовали его в контексте договора, в котором оно содержится. Взаимосвязь между проектами принципов 20 и 19 1) сомнительна, особенно в том, что касается узуфрукта. Как указал Специальный докладчик, некоторые из возможных толкований термина «устойчивое использование» предполагают более широкое понятие, чем конкретизацию узуфрукта.

Тем не менее он выступает за сохранение термина «устойчивое использование», потому что было использовано в контексте «устойчивого развития» Международным Судом в решениях по делу *Проект Габчиково-Надьмарош (Венгрия против Словакии)* и по делу *Целлюлозные заводы на реке Уругвай (Аргентина против Уругвая)*. Суд счел, что этот термин является подходящим выражением необходимости согласования экономического развития и охраны окружающей среды. Само понятие и его обоснование применимы также и в условиях оккупации. Кроме того, необходимость обеспечения сбалансированности целей экономического развития и других целей в условиях оккупации была отражена в положениях об узуфрукте в статье 55 Гаагского положения. Специальный докладчик прав, утверждая, что термин «устойчивое использование» является современным эквивалентом узуфрукта. Принцип узуфрукта существовал задолго до принятия норм международного экологического права, но термин «устойчивого развития» является достаточно широким для учета правовых изменений, происшедших с 1907 года, включая право сохранять постоянный суверенитет над природными ресурсами. В пунктах 97 и 98 доклада содержатся прекрасные руководящие указания относительно того, каким образом термин «устойчивое использование» следует использовать в рамках рассматриваемой темы. Вместе с тем, чтобы учесть озабоченности некоторых членов Комиссии, Специальному докладчику следует дополнительно уточнить его смысл в комментарии. Следует толковать в свете права на постоянный суверенитет над природными ресурсами как допускающий эксплуатацию природных ресурсов исключительно «в интересах населения». Эта позиция была подтверждена в пункте 249 решения 2005 года по делу *Вооруженная деятельность на территории Конго (Демократическая Республика Конго против Уганды)*.

Несмотря на то, что в целом он согласен с формулировкой проекта принципа 21, которая, по всей видимости, частично взята из решения по делу *Целлюлозные заводы на реке Уругвай (Аргентина против Уругвая)*, формулировка «ущерба для ... районов за пределами национальной юрисдикции», представляется несколько необычной, поскольку он не уверен, может ли «району» быть нанесен ущерб. Также неясно, почему Специальный докладчик предлагает термин «значительный ущерб» вместо более широко используемого термина «значительный вред». «Значительный ущерб» обычно используется в контексте присвоения ответственности и компенсации, в то время как «значительный вред» содержится во многих текстах, в том числе в принятых Комиссией статьях о предотвращении трансграничного вреда от опасных видов деятельности и в решении Международного Суда по делу *Строительство дороги в Коста-Рике вдоль реки Сан-Хуан (Никарагуа против Коста-Рики)*. Предложение г-жи Галван Телиш рассмотреть формулировку, взятую из последней фразы пункта 29 консультативного заключения по делу *Законность угрозы ядерным оружием или его применения*, заслуживает дальнейшего изучения.

В заключение он рекомендует направить все три проекта принципов, предложенные в докладе, в Редакционный комитет.

Г-н Петрич говорит, что Комиссии следует помнить о том, что со времени принятия в 1907 году Гаагского положения и четвертой Женевской конвенции в 1949 году характер конфликтов и оккупации изменился. Применение вооруженной силы государствами было запрещено международным правом, и по этой причине оккупация, являющаяся результатом любого такого применения силы, за исключением случаев самообороны или после соответствующего одобрения Советом Безопасности,

является незаконной и не может служить основанием для каких-либо прав, в соответствии с принципом *ex injuria jus non oritur*. Население оккупированной территории имеет право на то, чтобы сопротивляться незаконному правлению оккупирующей державы, поскольку оно не согласуется с самоопределением.

Хотя он не возражает против подхода Специального докладчика к проектам принципов, которые она предлагает, он спрашивает, почему она приводит никаких ссылок на незаконность оккупации, поскольку это может оказывать влияние на правовые аспекты охраны окружающей среды в условиях оккупации. Этот вопрос следует рассмотреть хотя бы в комментариях.

Необходимо дополнительно изучить вопрос о защите имущества в качестве косвенного средства защиты окружающей среды, поскольку необходимо проводить различие между частной собственностью и государственной собственностью. Кроме того, во время второй мировой войны население оккупированной территории сопротивлялось путем уничтожения собственности, инфраструктуры и продуктов питания. Такие действия, вероятно, не могут считаться неправомерными в соответствии с современным международным правом оккупации.

Специальный докладчик выразила мнение о том, что на принцип самоопределения можно сослаться в связи с эксплуатацией природных ресурсов на оккупированных территориях и основывает свою аргументацию на выводах, сделанных Международным Судом в его консультативном заключении по делу *Правовые последствия строительства стены на оккупированной палестинской территории*. Вместе с тем остается неясным, что представляет собой содержание права на самоопределение, какова его взаимосвязь с другими принципами, закрепленными в Уставе Организации Объединенных Наций, какова сфера его применения или как оно может быть реализовано. В этой связи он соглашается с замечаниями г-н Раджпуты в связи с самоопределением и эксплуатацией природных ресурсов в условиях оккупации.

С другой стороны, он решительно поддерживает идею подхода к данной теме в контексте правовых норм в области прав человека. Права человека, в том числе связанные с окружающей средой, несомненно, применяются в случае вооруженного конфликта и оккупации. Оккупирующая держава обязана обеспечивать защиту прав человека, существующих на оккупированной территории до оккупации, а также соблюдать свои обязательства в области прав человека. В случае длительной оккупации может возникнуть проблема стандартов защиты прав человека, если стандарты прав человека и защиты окружающей среды оккупирующей державы оказываются выше, чем у суверенного государства, территория которого оккупирована. Он согласен с проведенным г-ном Мурасэ различием между враждебной оккупацией и долгосрочной стабильной оккупацией. Это действительно является вопросом, который следует прояснить в комментариях.

Как показали события в Косово, Ираке, Афганистане или даже Корее, Организация Североатлантического договора (НАТО) или других субъекты или силы, действовавшие на основании резолюции Совета Безопасности, могут функционировать как де-юре или де-факто оккупирующие державы. Это означает, что правовые аспекты охраны окружающей среды в условиях оккупации также имеют последствия для международных организаций, которые должны быть освещены, по крайней мере, в комментариях.

Переходя к проектам принципов как таковым, он считает, что было бы полезно добавить вводный проект принципа в часть четвертую, в котором бы указывалось, что во всех случаях оккупации должны соблюдаться существующие нормы международного права, касающиеся защиты окружающей среды. В принципах или комментариях следует определить, что понимается под оккупацией в контексте данной темы. Было бы неверно ограничивать защиту окружающей среды классическими случаями оккупации, охватываемыми Гагскими правилами или Женевскими конвенциями, касающимися защиты жертв международных вооруженных конфликтов. После слов «оккупирующее государство» в надлежащих случаях в проектах принципов, или, по крайней мере, в комментариях к ним следует

добавить выражение «или любой другой оккупирующий субъект». Кроме того, в комментарии следует отметить различие между законной оккупацией в результате законного применения вооруженных сил, санкционированного Советом Безопасности или в порядке осуществления права на самооборону, и незаконной оккупацией в результате незаконного применения вооруженной силы в нарушение нормы *jus cogens*.

Он приветствует план будущей работы, поскольку проблемы, возникающие в ходе немеждународных вооруженных конфликтов имеют самое непосредственное отношение к работе Комиссии и требуют углубленного изучения. Вопросы, касающиеся ответственности и материальной ответственности за экологический ущерб, причиненный в результате вооруженных конфликтов, имеют основополагающее значение для данной темы. Разумеется, было бы очень полезным иметь преамбулу и некоторые определения.

Он выступает за направление всех проектов принципов в Редакционный комитет при том понимании, что будет использован вариант проекта принципа 19, предложенный Специальным докладчиком в ее устном выступлении.

Сэр Майкл Вуд, согласившись с многим из того, что уже было сказано г-ном Паком, г-ном Мурасэ, г-ном Мерфи и другими, говорит, что он не согласен с некоторыми более далеко идущими предложениями. Он хотел бы подчеркнуть, что эта тема не затрагивает оккупацию в самом широком смысле, но касается защиты окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами.

В главах I, II и III первого доклада Специального докладчика включают подробную разработку некоторых серьезных вопросов, которые выходят далеко за рамки нынешней темы: международного гуманитарного права, применяемого в оккупированных территориях в самом широком смысле, что выходит далеко за рамки экологических аспектов; права в период оккупации, которое является частью права вооруженных конфликтов; взаимосвязи между международным гуманитарным правом и международным правом в области прав человека, что является весьма обширной темой; а также вопроса о том, можно ли применять нормы международного договорного и обычного права, касающиеся охраны окружающей среды, к ситуациям оккупации. Не всегда очевидно, какие именно пункты доклада конкретно относятся к предлагаемым трем относительно скромным проектам принципов; было бы важно иметь четкое представление об этом при подготовке соответствующих комментариев. Следует надеяться, что комментарии будут краткими и будут направлены на разъяснение формулировок проектов принципов, не стремясь при этом затрагивать более широкий круг вопросов.

В этой связи следует отметить, что иногда далеко не очевидно, каким образом некоторые из ситуаций, упомянутых предыдущими ораторами, имеют отношение к данной теме. Некоторые ораторы упоминали различные ситуации, в прошлом и в настоящее время, либо для иллюстрации точки зрения или чаще – как представляется – чтобы просто о них упомянуть. В некоторых случаях было очевидно, насколько далеки от рассматриваемой темы те ситуации, о которых говорилось. Спорная территория – не то же самое, что оккупированная территория.

Что касается сферы охвата темы, то г-н Мурасэ четко разъяснил различие между военной и мирной оккупацией. Хотя политические деятели, возможно, предпочитают избегать формулировки «военная оккупация», это правильный правовой термин, и он охватывается данной темой, являясь элементом вооруженного конфликта. Однако необходимость расширения этой темы с целью охвата других ситуаций, которые можно в широком смысле именовать оккупацией, несмотря на то, что они не связаны с вооруженными конфликтами, например, положение в Косово в соответствии с резолюциями Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, является менее очевидной. Основной вопрос о значении термина «окружающая среда» в контексте данной темы также был на настоящий момент оставлен открытым; однако какое бы определение ни использовалось, ссылки на то, может ли оккупирующая держава увеличить потребление нефти, или ссылки на защиту частной собственности, могут оказаться неуместными.

Он согласен с теми, кто поставил вопрос о том, насколько реалистичным было бы ожидать, что действующие в мирное время обязательства и стандарты, касающиеся охраны окружающей среды и прав человека, будут применяться в период военной оккупации, когда первичное обязательство заключается в том, чтобы обеспечить, насколько это возможно, общественный порядок и безопасность. Некоторые выдвинутые идеи основаны на игнорировании даже таких основополагающих принципов права вооруженных конфликтов как военная необходимость. Более скромный подход Специального докладчика является предпочтительным.

Обоснование, лежащее в основе проекта принципа 19, как указывается в докладе, является убедительным, однако было бы полезно, если бы Специальный докладчик, подводя итоги, более подробно объяснила источник ее новой предлагаемой формулировки и ее последствий. Понятие «общего» обязательства является не вполне ясным, и, возможно, было бы более целесообразно сформулировать проект принципа таким образом, что оккупирующей державе «следует» бережно относиться к окружающей среде. Экологические соображения должны безусловно приниматься во внимание оккупирующей державой в отношении оккупированной территории, однако в каждом конкретном случае потребуются определять, что именно это означает на практике. Прямое указание на «любые прилегающие морские районы» является излишним и потенциально неверным. Входят ли такие районы в состав оккупированной территории или нет – это, по существу, вопрос факта, и его можно было бы разъяснить в комментарии. Редакционному комитету необходимо будет очень внимательно рассмотреть пункт 2 проекта принципа 19: Гаагские положения следует рассматривать вместе с положениями четвертой Женевской конвенции и другими нормами международного права.

Проект принципа 20, в котором присутствует ссылка на «устойчивое использование», возможно, выходит за рамки рассматриваемой темы. Кроме того, отсутствие ясности в отношении концепции устойчивого развития может привести к противоположным толкованиям текста. Г-н Мерфи считает, что эта формулировка может препятствовать использованию природных ресурсов оккупирующей державой, что разрешено согласно принципу узурфрукта, в то время как г-н Раджпут рассматривает концепцию устойчивого использования как более широкую, чем узурфрукт, как это изложено в статье 43 Гаагского положения. Ссылка на сведение к минимуму экологического ущерба, как представляется, охватывается формулировкой проекта принципа 19. Поэтому проект принципа 20, возможно, является излишним, поскольку любые необходимые элементы можно было бы охватить в проектах принципов 19 и 21 и отразить в комментарии.

Проект принципа 21 охватывает принцип «непричинения вреда», который был подробно рассмотрен Комиссией в контексте ее статей о предотвращении трансграничного вреда от опасных видов деятельности 2001 года. Несмотря на то, что другие члены ставили под сомнение целесообразность использования выражения «все имеющиеся в его распоряжении средства», он не возражает против того, чтобы вновь повторить этот принцип, при условии тщательного рассмотрения формулировки Редакционным комитетом.

Он согласен с тем, что проекты принципов 19–21 следует передать в Редакционный комитет.

Г-н Штурма говорит, что он в целом согласен с подходом, принятым Специальным докладчиком в ее первом докладе, и с большинством проектов принципов, предложенных ею. В докладе вопросы охраны окружающей среды рассматриваются с трех точек зрения: согласно праву в период оккупации; согласно международным нормам и стандартам в области прав человека; и согласно продолжающемуся применению международного экологического права.

Хотя традиционное право в период оккупации, кодифицированные в Гаагском положении, по-прежнему в целом определяет права и обязательства оккупирующей державы, оно не особенно полезно с точки зрения вопросов защиты окружающей среды, которые не рассматривались в рамках международного права в то время, когда эти положения были приняты. То же самое относится и к другим документам права

вооруженных конфликтов, включая четвертую Женевскую конвенцию. Первые конкретные правила по защите окружающей среды, как представляется, появились в Дополнительном протоколе к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающемся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I). В связи с этим он понимает, почему Специальный докладчик ссылался на защиту прав собственности и узуфрукт, но он согласен с г-ном Паком в том, что эти понятия имеют лишь ограниченное воздействие на защиту окружающей среды как таковую. Вместе с тем он не ставит под сомнение значимость защиты окружающей среды в контексте военной оккупации: старое право в период оккупации должно толковаться в свете более новых норм международного права, в том числе гуманитарного права, права прав человека и экологического права, в той мере, в какой они применимы в условиях оккупации. В этой связи ссылки на консультативные заключения Международного Суда и принятые в 2011 году Комиссией проекты статей о последствиях вооруженных конфликтов для международных договоров являются полезными.

В дополнение к Гаагскому положению, в котором излагается общая концепция оккупации и некоторые основные нормы, в частности в статье 43, положения общей для Женевских конвенций 1949 года статьи 2 также должны быть приняты во внимание. Совокупные условия, определяющие состояние оккупации, взятые комментариями 2016 года Международного комитета Красного Креста к общей статье 2 и воспроизведенные в пункте 23 доклада, являются достаточно широкими, чтобы охватывать различные ситуации, связанные с оккупацией, как краткосрочные, так и долгосрочные. Ключевым элементом является физическое присутствие государственных вооруженных сил на иностранной территории без согласия местного правительства, действовавшего во время вторжения, и тот факт, что иностранные силы в состоянии осуществлять власть на соответствующей территории. Вместе с тем использование концепции «мирной оккупации» или оккупации по соглашению, не является целесообразным. При условии, что такое соглашение не было навязано в результате применения силы или угрозы силой, что делает его недействительным *ab initio*, присутствие иностранных сил будет регулироваться этим соглашением, а не общим международным правом в период оккупации. Правовой режим иностранного военного присутствия и иностранных баз и общее право оккупации позволяют разграничить согласие государства территориальной юрисдикции и договорная основа. Еще одним возможным основанием для присутствия иностранных военных сил является имеющая обязательную силу резолюция Совета Безопасности. Для целей настоящей темы большинство ситуаций охвачены проектами принципов 7 и 8, которые уже были в предварительном порядке приняты Редакционным комитетом и приняты к сведению Комиссией.

Несмотря на подход к соглашениям о статусе сил или миссий и операций по поддержанию мира, принятый в проектах принципов 7 и 8, по-прежнему можно представить себе, что международная организация может участвовать в военной оккупации в зависимости от наличия определенных правовых и фактических условий. На основании своих соответствующих статуты, не все международные организации компетентны в военных вопросах. Еще более важным является вопрос о том, имеются ли у организации средства для осуществления контроля над оккупированной территорией. Это будет зависеть от эффективного командования и контроля, которые могут оставаться в ведении международной организации, как заключил Европейский суд по правам человека в делах *Бехрами и Бехрами против Франции и Сарамати против Франции, Германии и Норвегии* в связи с положением Косово, или в ведении одного государства или группы государств, как, например, в решении по делу *Аль-Джедда против Соединенного Королевства* в связи с положением в Ираке. Хотя все три дела касались применения Европейской конвенции о правах человека, это различие, возможно, может быть в равной степени актуальным для применения международного экологического права в ситуациях оккупации.

Поскольку концепция оккупации распространяется только на международные вооруженные конфликты, он согласен с выбором Специального докладчика рассмотреть вопросы охраны окружающей среды в условиях немеждународных вооруженных конфликтов отдельно в одном из последующих докладов; тем не менее некоторые негосударственные субъекты могут быть косвенно связаны с вопросами,

рассматриваемыми в проектах принципов, предложенных до настоящего времени. Обязанности оккупирующего государства должны распространяться только на территории, находящейся под его эффективным контролем. Если движение сопротивления на оккупированной территории в результате своих собственных действий наносит экологический вред в пределах этой территории или другому государству, оккупирующее государство едва ли может нести ответственность за такой ущерб.

Он согласен с измененной формулировкой пункта 1 проекта принципа 19, предложенной Специальным докладчиком в ее вступительном заявлении. Г-н Пак и г-н Мерфи сделали важные замечания в связи с пунктом 2 этого проекта статьи. Учитывая важность в праве в период оккупации соблюдения законодательства оккупированной территории, фраза «если только к этому нет непреодолимых препятствий» является недостаточной: потенциальные исключения из соблюдения законодательства должны быть разработаны более подробно. Кроме того, такие меры не должны быть произвольными, и должны учитывать интересы оккупированного населения, что также имеет важное значение ввиду особого внимания, уделенного в докладе вопросу о применении права прав человека.

Проект принципа 20 более проблематичен. Хотя он является весьма кратким, в нем предпринята попытка отразить по меньшей мере два разных понятия: устойчивое использование природных ресурсов на оккупированной территории и минимизация экологического ущерба. Оба понятия могут быть выведены из современного международного экологического права, но не столь ясно, могут ли они применяться в полной мере к ситуации оккупации. Концепция устойчивого развития – обычно понимаемая как «отвечающая потребностям настоящего времени и не ставящая под угрозу способность будущих поколений удовлетворять их собственные потребности» – это концепция, предложенная в 1980-х годах с целью примирить противоречия между экономическим развитием и охраной окружающей среды. Она не имеет четкого определения, и не является юридическим принципом, из которого могут быть выведены правовые обязательства государств. Если будет решено сохранить этот термин в проекте принципа 20, его текст следует переформулировать. Тот факт, что оккупирующая держава не имеет никакого суверенитета над оккупированной им территорией, влияет на его право на управление и использование природных ресурсов на этой территории: его права и обязательства в качестве административного управляющего являются гораздо более ограниченными, чем у территориального суверена. Этот термин должен быть уточнен в том смысле, что оккупирующее государство может осуществлять управление и использование определенных природных ресурсов, но должно делать это на устойчивой основе.

Содержащаяся в проекте принципа 20 ссылка на сведение к минимуму экологического ущерба по сути является одним из выражений принципа «непричинения вреда». С учетом контекста и сферы применения проекта принципа 21 было бы более наглядно выразить это как обязательство не наносить «значительный» вред самой оккупированной территории в результате деятельности, осуществляемой оккупирующим государством. Проект принципа 21 отражает обязательство, которое является частью международного экологического права, с которым он в принципе согласен; тем не менее именно это ожидается от оккупирующих государств в условиях длительной оккупации, аналогичных положению в мирное время, а не во время вооруженных конфликтов.

Он рекомендует передать все предлагаемые проекты принципов в Редакционный комитет.

Г-н Петер, приветствуя плавную передачу этой темы от бывшего Специального докладчика г-жи Якобссон г-же Лехто, говорит, что он возражает против того, каким образом Комиссия решает проблему оккупации, которая для государств, которые некогда были оккупированы, является чрезвычайно серьезной. Как бы ни было истолковано эти правовые положения, представляется сомнительным, что оккупирующая держава обладает какой-либо легитимностью или правом эксплуатации природных богатств и ресурсов оккупированного народа. Большинство оккупирующих держав действовали как обычные воры. Они похищали природные

ресурсы оккупированного народа, независимо от того, были ли эти ресурсы в форме нефти, газа, полезных ископаемых и лесных продуктов. Оккупация по-прежнему остается оккупацией, независимо от того, применяются ли для ее определения прилагательные как «мирная» или «воинственная».

Г-н Гомес-Робledo перечислил ряд территорий, которые заняты или были заняты либо государствами, либо организациями, включая Сахарскую Арабскую Демократическую Республику, Южную Осетию, Нагорный Карабах, Кашмир, Тибет и Косово. Он хотел бы добавить, что Учредительный акт Африканского союза 2002 года позволяет ему вмешиваться в дела своих государств-членов в определенных ситуациях. Поэтому, как и утверждали другие члены Комиссии, разумеется, территория может быть оккупирована организацией.

Опыт показывает, что все оккупации имели военный характер. Ни один народ не устанавливал с оккупантом дружелюбных отношений. Именно по этой причине многие страны во всем мире отмечают тот день, когда они получили независимость от своих оккупантов. Важно подходить к докладу Специального докладчика с учетом такого понимания оккупации.

Специальный докладчик выбрала ряд важных областей международного права в связи с вооруженными конфликтами и оккупацией. Он не будет пытаться рассмотреть вопросы охраны окружающей среды через посредство права в период оккупации, которое в целом никогда не соблюдалось оккупантом. Оккупирующие державы никогда не исполняли свои обязанности в соответствии со статьей 43 Гаагского положения, с тем чтобы восстановить и обеспечить общественный порядок. Оккупанты преследовали разные цели, и в теоретических спекуляциях в этой связи нет большого смысла. Именно в результате оккупации Ирак и Ливия находятся сейчас в такой тяжелой ситуации. Здесь можно привести немало других аналогичных примеров.

Он полностью поддерживает решение Специального докладчика поставить вопрос об имущественных правах в связи с разрушением окружающей среды и, в частности, ее указание на связь между имущественными правами и устоявшимися принципами, такими как суверенитет над природными ресурсами.

Специальный докладчик ясно дала понять, что перечень «имущества», содержащийся в статье 55 Гаагского положения, а именно «общественные здания, недвижимость, леса и сельскохозяйственные угодья», не является исчерпывающим и распространяется на все недвижимое имущество, не используемое в военных операциях. Поэтому нет необходимости обсуждать, что именно включено в этот список. Важно отметить, что природные ресурсы территории не принадлежат оккупантам.

В своем решении по делу *Вооруженные действия на территории Конго (Демократическая Республика Конго против Уганды)* Международный Суд заявил, что принцип неотъемлемого суверенитета над природными ресурсами не применяется к «особой ситуации мародерства, грабежей и эксплуатации определенных природных ресурсов военными силами государства, совершающего военное вмешательство в другом государстве». Он хотел бы согласиться с судьей Абдулом Коромой, который в отдельном заявлении по этому делу справедливо отметил, что постоянный суверенитет над природными ресурсами остается в силе постоянно, в том числе во время вооруженного конфликта и оккупации. Таким образом, факт оккупации ни в коей мере не меняет статус природных богатств и ресурсов оккупированного народа. Международный Суд рассмотрел вопрос о том, может ли оккупирующая держава эксплуатировать природные ресурсы оккупированной территории в интересах местного населения, однако можно задаться вопросом, как в подобных обстоятельствах можно было бы определить, какая доля природных ресурсов, используемых оккупирующей державой, должна оставаться на оккупированной территории и какая доля должна быть направлена обратно в столицу оккупирующего государства для покрытия административных расходов на управление оккупированной территорией.

Право на здоровье является важным фактором, поскольку ухудшение состояния окружающей среды, как правило, оказывает серьезное воздействие на здоровье населения оккупированной территории. Этот факт не требует особых юридических подтверждений. Тем не менее в пункте 64 своего доклада Специальный докладчик подробно описала убедительные примеры из прецедентного права из почти каждого региона мира, с тем чтобы подтвердить это соображение. Эта судебная практика подчеркивает связь между ухудшением состояния окружающей среды, с одной стороны, и правами человека на жизнь, семейную жизнь, здоровье и питание, с другой. Важно особо подчеркнуть конкретные права оккупированного населения, поскольку его здоровье и благополучие не входят в число приоритетных задач оккупанта.

Он надеялся, что Специальный докладчик конкретно затронет право на питание в условиях оккупации. Он отметил, что в избранную библиографию, содержащуюся в докладе, Специальный докладчик включила ряд работ, связанных с правом на питание, в том числе основополагающую работу под редакцией покойной Катарини Томашевски. Он не утверждает, что она проигнорировала право на питание, но он просит уделить этому праву то внимание, которого оно заслуживает. Продовольствие часто используется в качестве орудия в ситуациях войны или оккупации, в том числе против оккупированного населения. Существует опасность того, что доступ к продовольствию может быть поставлен в зависимость от так называемого умиротворения населения. Ситуации войны также мешают населению участвовать в сельскохозяйственных работах или иных формах производства продуктов питания, что увеличивает его уязвимость. Специальный докладчик отметила, что основной целью статьи 54 2) Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям 1949 года, которая процитирована в сноске 170 доклада, является защита гражданского населения и предотвращение политики, которая могла бы привести к голоду среди гражданского населения или способствовать его бегству. В связи с этим он настоятельно призывает Специального докладчика рассмотреть вопрос о праве на питание в условиях оккупации. Отсутствие доступа к продовольствию вынуждает людей во время войны и оккупации прибегать к такой деятельности как проституция. Кроме того, в некоторых случаях в военное время создается искусственный дефицит продовольствия. В этой связи он хотел бы обратить внимание на правовую проблему, связанную с делами «корыстных информаторов», которая вызвала интересную дискуссию между Х.Л.А. Хартом и Лоном Л. Фуллером о взаимосвязи между правовой системой, справедливостью и нравственностью.

Предлагаемые проекты принципов в целом имеют довольно абстрактный характер. Возможно, прежде чем они будут переданы в Редакционный комитет, необходимо будет внести в них некоторые поправки.

Он поддерживает новую формулировку пункта 1 проекта принципа 19, предложенную Специальным докладчиком. Что касается пункта 2 проекта принципа 19 слова «если только к этому нет непреодолимых препятствий» следует исключить. Он не согласен с обоснованием, которое Специальный докладчик представила в связи с этим проектом принципа в своем вступительном заявлении. Во-первых, он не уверен в том, что экологические права признаны в более чем 100 конституциях. В конституциях большинства стран основное внимание уделяется гражданским и политическим правам, а не экономическим, социальным и культурным правам. Тем не менее в статье 24 Африканской хартии прав человека и народов предусмотрено, что все народы имеют право на общий удовлетворительный уровень окружающей среды, благоприятствующий их развитию. Во-вторых, он не уверен в том, что действующая на данной территории конституция будет продолжать применяться после оккупации такой территории. За исключением права на жизнь, права, предусмотренные в конституции, зачастую не защищены в условиях оккупации. В силу этих двух причин он считает, что необходима более точная формулировка.

Проект принципа 20 также является неудовлетворительным. Следует четко указать, что природные ресурсы должны использоваться в интересах местного населения. Например, он мог бы гласить: «Оккупирующее государство должно управлять природными ресурсами на оккупированной территории для блага и благополучия местного населения таким образом, чтобы обеспечить их устойчивое

использование и свести к минимуму экологический вред». Несмотря на то, что он не будет настаивать именно на этой формулировке, важно учитывать это общее представление.

Что касается проекта принципа 21, он предложил бы опустить слово «значительного», так как его включение может вызвать ненужные дискуссии.

Что касается будущего плана работы, то Специальный докладчик исключил одну проблему, выявленную Рабочей группой по этой теме, а именно вопрос об ответственности негосударственных субъектов. В современном мире большинство войн ведется опосредованно негосударственными субъектами от имени государств. Военные подрядчики и наемники играют важную роль во всех войнах, и в ближайшее время будут участвовать в оккупации и управлении территориями от имени своих заказчиков. Эту проблему следует затронуть в данном проекте принципа. В этой связи он хотел бы обратить внимание Специального докладчика на письменный вариант его заявления, где приведены примеры случаев, в которых военные подрядчики были наняты государствами, и где представлены ссылки на соответствующую литературу. Он не возражает против любых других вопросов, которые Специальный докладчик предложила для включения во второй доклад.

В заключение он рекомендует направить предлагаемые проекты принципов в Редакционный комитет, в надежде на то, что это будет способствовать их улучшению.

Г-н Хуан говорит, что он был бы признателен, если бы г-н Питер смог уточнить смысл его ссылки на Тибет в контексте обсуждения оккупации. В Тибет является неотъемлемой частью Китая со времен династии Юань, начиная с конца тринадцатого века.

Г-н Раджпут говорит, что он согласен с замечаниями сэра Майкла Вуда относительно упоминания некоторыми членами Комиссии конкретных территорий в ходе прений. В отношении ссылки на оккупацию в Кашмире, в частности, он может лишь предположить, что члены Комиссии имели в виду оккупацию соответствующих территорий Пакистаном.

Г-н Петер говорит, что он упомянул Тибете просто как одну из территорий, перечисленных г-ном Гомесом-Робледо.

Председатель говорит, что, к сожалению, г-н Гомес-Робледо не присутствует на нынешнем заседании, и поэтому не может ответить на замечание г-на Хуана.

Г-н Сиссе говорит, что он хотел бы поздравить г-жу Лехто с хорошо документированным и полезным первым докладом. Вместе с тем, один из весьма важных аспектов, которые не были рассмотрены в докладе, является вопрос о вооруженных конфликтах международного характера, или внутренних вооруженных конфликтах. Такие конфликты по-прежнему остаются серьезной причиной для беспокойства в Африке и привели не только к гибели людей, но и к ухудшению состояния окружающей среды в самом широком смысле. Этот аспект будет рассмотрен во втором докладе, но он, тем не менее, хотел бы подчеркнуть важность и безотлагательность принятия законов или, по крайней мере, принципов, регулирующих вопросы охраны окружающей среды в контексте внутренних вооруженных конфликтов и ситуаций, в которых часть территории страны была оккупирована повстанческими вооруженными силами. В свете многочисленных конфликтов, которые происходят в последние десятилетия или сейчас происходят в Африке, необходимо уточнить обязанности и обязательства таких сил, в случае если они оккупируют некие территории и, таким образом, наносят огромный ущерб окружающей среде.

Он хотел бы привести в качестве примера свою собственную страну, Кот-д'Ивуар, в которой в 2002 году произошло вооруженное восстание, что привело к оккупации северной и центральной частей территории страны так называемыми повстанческими силами. Эта оккупация длится уже почти 10 лет, а его экологические последствия носят более чем катастрофический характер. В таких ситуациях, неясно, как совершение экологических преступлений со стороны повстанческих сил, которые, по его мнению, действовали в качестве оккупирующей державы, должно

рассматриваться в рамках международного права, даже в том случае, если конфликт оставался внутренним вооруженным конфликтом. Насколько ему известно, нормы международного гуманитарного права, которые в настоящее время применяются к внутренним конфликтам, не включает в себя конкретные положения, в которых разъясняются обязанности и обязательства сторон во время и после внутреннего вооруженного конфликта. В Кот-д'Ивуаре и в других частях Африки массовые убийства, совершенные силами мятежников – которые он без колебаний охарактеризовал бы как экологические преступления – насколько ему известно, в настоящее время не подлежат регулированию на региональном или международном уровне.

Еще более сложными являются ситуации, в которых внутренний вооруженный конфликт приобретает международный характер благодаря присутствию нейтральных и беспристрастных сил, главная цель которых заключается в том, чтобы контролировать режим прекращения огня и обеспечить и поддерживать мир. Обычно такие силы развертывают значительные ресурсы в плане оборудования и гражданского и военного персонала, что может привести к серьезному ухудшению состояния окружающей среды. В таких ситуациях неясно, как будут определяться обязанности комбатантов и нейтральных сторон; кто должен платить за восстановление поврежденной окружающей среды; и в какой степени деятельность международных нейтральных и беспристрастных сил – таких как «голубые каски» и французские силы операции «Единорог» в случае Кот-д'Ивуара – приводит к ухудшению состояния окружающей среды. Это лишь некоторые из многочисленных вопросов, которые остались без ответа в контексте международного права в области защиты окружающей среды, и во втором докладе можно было бы определить применимые принципы.

Что касается будущих исследований по данной теме, то в них, по его мнению, было бы целесообразно учесть работу Африканского командования Соединенных Штатов, которое на протяжении ряда лет проводил мероприятия по укреплению потенциала с уделением особого внимания вопросам защиты окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами как международного, так и немеждународного характера. Инициатива Африканского командования Соединенных Штатов объединила военные, судебные, административные и иные органы различных государств Западной Африки в духе сотрудничества в целях повышения степени информированности о воздействии вооруженных конфликтов на окружающую среду и определения мер, которые могут быть приняты для уменьшения или ликвидации такого воздействия.

Что касается предлагаемых проектов принципов, он считает, что проект принципа 19 вызывает концептуальные вопросы, которые делают текст трудным для понимания. Выражение «государство территориальной юрисдикции» представляется слишком расплывчатым и даже тавтологичным в том смысле, что каждое государство уже по своей сути является территориальным. Другими словами, юридически невозможно постулировать государство без территории, поскольку территория остается одним из конститутивных элементов государства. В то же время включение в пункт 1 проекта принципа 19 выражения «прилегающие морские районы» представляется уместным. Хотя некоторые члены Комиссии, в том числе г-н Мурасэ и г-н Пак, предложили исключить ссылку на морские районы, он выступает за ее сохранение, поскольку территория государства включает сухопутную, морскую и воздушную территории. Право в период оккупации не изменяет этот факт реальность в том смысле, что оно не ограничивает осуществление оккупирующим государством своих полномочий в соответствии с характером данной территории.

Ссылка на «суверенные права», которые государство территориальной юрисдикции вправе осуществлять над прилегающими к ним морскими районами, является проблематичной. Либо государство территориальной юрисдикции является прибрежным, и в этом случае понятие суверенных прав в пункте 1 проекта принципа 19 будет применяться, либо оно не имеет выхода к морю или береговой линии, и в этом случае оно применяться не будет, поскольку государство без береговой линии не может осуществлять такие права по смыслу Конвенции Организации

Объединенных Наций по морскому праву. Кроме того, понятие суверенных прав относится не ко всем прилегающим морским районам. В Конвенции предусмотрены различные правовые режимы в зависимости от характера морских районов, находящихся под юрисдикцией прибрежного государства, и эти терминологические различия не следует игнорировать, если этот пункт был изменен в целях включения в него морской территориальности.

В проекте принципа 20 основное внимание уделяется защите окружающей среды с точки зрения устойчивого использования и минимизации экологического вреда. Хотя он не хочет преуменьшать значение этих двух аспектов, обязательства, налагаемые на оккупирующие государства, не должны ограничиваться сферой управления природными ресурсами. По его мнению, обязательство по охране окружающей среды, следует дополнить обязательство защищать экономическое и социальное развитие оккупированного государства и его населения.

Он рекомендует передать два предлагаемых проекта статей в Редакционный комитет.

Г-н Гроссман Гилофф говорит, что предлагаемые проекты принципов имеют особую актуальность с учетом многочисленных и зачастую затяжных ситуаций оккупации, наблюдаемым во всем мире. Исключительно важное значение защиты и сохранения окружающей среды не прекращается в период вооруженных конфликтов или в период оккупации. Он признателен Специальному докладчику за ее работу по уточнению принципов одновременно применимых отраслей права вооруженных конфликтов, права прав человека и экологического права. Он особо приветствует ее замечания о применимости проекта принципа 6 о защите окружающей среды коренных народов к ситуации оккупации. Как отметил г-н Гомес-Робledo, практика межамериканской системы в отношении защиты коренных народов могла бы быть полезной при определении обязательств оккупирующей державы. Например, в делах *Община маянья (сумо) авас тиньи против Никарагуа* и *Коренная община савхоямакса против Парагвая*, например, Межамериканский суд по правам человека признал позитивное обязательство государств, в соответствии со статьей 21 Американской конвенции по правам человека и принципами общего международного права, уважать и защищать права коренных народов в отношении собственности, культуры и доступа к традиционным объектам. Таким образом, даже за пределами правового обязательства оккупирующей державы по восстановлению общественного порядка в условиях оккупации, как это закреплено в статье 43 Гаагского положения, в таких ситуациях может также возникнуть более существенная обязанность в отношении экологических последствий для коренных народов. Он выражает надежду на то, что эти аспекты будут освещены в комментариях.

Представляется, что члены Комиссии в целом согласились с тем принципом, сформулированным Международным Судом, региональными судами и договорными органами, что защита в соответствии с правом прав человека не перестает существовать в условиях оккупации. В таких ситуациях право прав человека применяется в сочетании с нормами международного гуманитарного права. Несмотря на то, что, возможно, существует противоречие между этими двумя отраслями международного права, это не означает, что право вооруженных конфликтов лишает права прав человека юридической силы во всех вопросах; скорее, здесь вступает в действие понятие комплементарности, как Специальный докладчик отметила в пункте 57.

Он согласен со Специальным докладчиком в отношении вопроса отступления от норм в период оккупации. Разумеется, в соответствии с Женевскими конвенциями 1949 года преобладающим фактором является военная необходимость. Вместе с тем, даже в соответствии с правом вооруженных конфликтов, на военную необходимость следует оценивать с точки зрения соблюдения принципов соразмерности, различения гражданских и военных целей и потенциального сопутствующего ущерба. С другой стороны, право прав человека, которая действует в мирное время, обязывает государства согласовывать свои действия с толкованием законодательства, которое является наиболее благоприятным для защиты прав человека. Одновременное применение этих отраслей права обязательно требует баланса между военной необходимостью и вопросами прав человека, включая защиту экологических прав.

В статье 15 Европейской конвенции о правах человека, статье 27 Американской конвенции о правах человека и статье 4 Международного пакта о гражданских и политических правах предусматривается, что все государства могут приостанавливать действие некоторых прав, в том числе тех, которые касаются здравоохранения и окружающей среды, в чрезвычайных ситуациях, если существует угроза для жизни нации, но лишь в ограниченных аспектах и строго на тот период времени, который необходим в связи с остротой положения. Поэтому трудно утверждать, что оккупация автоматически вызывает отступление от норм в области прав человека. Действительно, как было отмечено, Международный Суд рассматривал этот конкретный вопрос в своем консультативном заключении по делу *Правовые последствия строительства стены на оккупированной палестинской территории*, отметив, что отдельные договоры о правах человека, включая Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и Конвенцию о правах ребенка, применимы на оккупированной палестинской территории, и что защита, которую они обеспечивают, не прекращается в случаях вооруженного конфликта, за исключением случаев применения положений об отступлении, таких как содержащиеся в статье 4 Международного пакта о гражданских и политических правах. Разумеется, следует учитывать, что некоторые права не допускают отступлений и существуют строгие правила оценки отступлений от неабсолютных прав, основанные на критериях необходимости, соразмерности и своевременности.

В пункте 51 Специальный докладчик сделала соответствующие выводы из консультативного заключения Суда по этому делу. Эти вопросы должны быть надлежащим образом отражены в проекте принципа 19, и поэтому он согласен с предложением г-на Мурасэ и г-на Сабоя о добавлении в этот проект принципа пункта или ссылки, явно указывающих на применимость права прав человека в ситуациях оккупации. Специальному докладчику, возможно, следовало бы разъяснить ее утверждение в пункте 60 о способности оккупирующей державы временно интернировать гражданских лиц в соответствии с правом вооруженных конфликтов, но не в рамках права прав человека. Важно отметить, что право на свободу передвижения в соответствии с правом прав человека, которое явно нарушается в результате интернирования, не является правом, не допускающим отступлений. Таким образом, в соответствии с правом прав человека и правом вооруженных конфликтов государства, включая оккупирующие державы, могут интернировать гражданских лиц при соблюдении условий для приостановления этого права.

Хотя применимость права прав человека в ситуациях оккупации, как представляется, не вызывает сомнений, учитывая судебную практику Международного Суда и других органов, применение права окружающей среды в таких ситуациях, как представляется, ставится под сомнение. Он не разделяет озабоченность, выраженную рядом членов Комиссии в этой связи, и выражает согласие с мнением Специального докладчика о правовой аргументации в главе II доклада, в которой указывается на связь между правами человека и экологическими правами с целью признать необходимость охраны окружающей среды в условиях оккупации. Эта связь является сильной, по меньшей мере, по трем причинам. Во-первых, как отметил Специальный докладчик, консультативное заключение Международного Суда по делу *Законность угрозы ядерным оружием или его применения* предполагает взаимодополняемость права окружающей среды в период вооруженного конфликта. В связи с этим, поскольку для целей международного гуманитарного права случаи оккупации могут рассматриваться как международные вооруженные конфликты, из этого следует, что в таких ситуациях обычное международное право окружающей среды будет применяться параллельно наряду с нормами международного гуманитарного права и права прав человека. Кроме того, заключения региональных судов, некоторые из которых упоминаются в докладе, также демонстрируют совместное применение экологического права. Одним из примеров этого является недавнее консультативное заключение Межамериканского суда по правам человека, окружающей среды и прав человека, в котором он признал право на здоровую окружающую среду в качестве одного из прав человека и расширяет определение юрисдикции в статье 1 Американской конвенции о правах

человека, включив в него экстерриториальные действия, наносящие ущерб окружающей среде, в другом государстве. Эта логика, по всей вероятности, будет распространяться на действия, предпринимаемые оккупирующей державой, которая нарушает нормы международного экологического права в ущерб оккупированному государству или третьему государству.

Во-вторых, в соответствии со статьей 43 Гаагского положения, которое было принято в качестве нормы обычного международного права, оккупирующая держава обязана принять все меры в ее власти, чтобы «восстановить и обеспечить общественный порядок и общественную жизнь, уважая существующие в стране законы, буде к тому не встретится неодолимого препятствия». Таким образом, из этого следует, что природоохранные нормативные положения на оккупированной территории, должны также соблюдаться и исполняться, если только этому не препятствует абсолютная военная необходимость. Было бы полезно уточнить, возможно, с примерами из практики, что имеется в виду под словами «буде к тому не встретится неодолимого препятствия». Кроме того, как признано в пункте 78 доклада, в принятых в 2011 году Комиссией проектах статей о последствиях вооруженных конфликтов для международных договоров указано, что договорные обязательства, включая обязательства по охране окружающей среды, не обязательно перестают применяться во время вооруженного конфликта.

В-третьих, несмотря на то, что некоторые члены Комиссии критиковали использование Специальным докладчиком ссылки на право на здоровье в целях демонстрации связи между правом прав человека, экологическим правом и правом вооруженных конфликтов, он согласен с ее подходом, который основан на тесной взаимосвязи между правом на здоровье и правом на жизнь, причем последняя является правом, не допускающим отступлений. Что касается связи между правом на жизнь и окружающей средой, Специальный докладчик привела ссылки на несколько важных дел, включая решения Суда Экономического сообщества западноафриканских государств по делу *ПСЭПП против Нигерии* и Межамериканского суда по правам человека по делу *Яномами против Бразилии*. Эти примеры, в сочетании с практикой Международного Суда, постановившего, что оккупирующие государства сохраняют свои обязательства в области прав человека на территории, где они фактически осуществляют контроль, поддерживают ссылку Специального докладчика на право на здоровье, свидетельствуя о том важном значении, которое должно придаваться экологическим правам в условиях оккупации. Возможно, было бы также целесообразно рассмотреть вопрос о связи между правом на жизнь и другими важными правами, такими как право на питание. Дело *Пакете Хабана* 1900 года является интересным примером в этом отношении: Верховный суд Соединенных Штатов Америки привел множество правовых прецедентов в поддержку существования нормы международного обычного права, исключающей рыболовецкие суда из возможных объектов для захвата. Это дело иллюстрирует более широкий принцип, гласящий, что даже во время войны экологический ущерб, который может затронуть население в целом, не может игнорироваться в соответствии с обычным международным правом.

Он согласен со Специальным докладчиком в том, что ситуации, связанные с оккупацией, целесообразно рассматривать в проектах принципов в качестве отдельного вопроса. Как отметил г-н Пак, одной из проблем кодификации норм, касающихся ситуаций оккупации, является вопрос определения того, когда именно ситуация оккупации заканчивается, но, по его мнению, эта уникальная характеристика лишь подкрепляет аргумент в пользу отдельного рассмотрения этого вопроса. Одновременное применение проекта принципов, связанных с оккупацией, и проектов принципов в частях второй и третьей следует рассмотреть в комментарии, а не в самих предлагаемых проектах принципов. В отношении различия между военной и мирной оккупацией он разделяет мнение тех членов Комиссии, которые сочли, что Комиссии следует избегать дальнейшего сужения определения оккупации. Он также сомневается в том, не может ли такое различие быть несовместимым с ранее принятыми проектами принципов, которые охватывают переходящие периоды до, во время и после конфликта.

Предложение г-на Пака о включении потенциальных оккупаций международными организациями является интересным, и, опираясь на приведенные примеры, представляется, что практика свидетельствует о том, что его обеспокоенность не является чисто теоретической. Так, например, вспышка холеры, вызванная миротворцами Организации Объединенных Наций на Гаити, предположительно привела к гибели более 10 тысяч человек. Хотя такие ситуации не являются оккупацией, они, тем не менее, свидетельствуют о необходимости регулирования. С учетом такого опыта, он не считает невозможным то, что международная организация может в какой-то момент осуществлять контроль в ситуации оккупации. Он не разделяет озабоченность, которая была выражена в отношении применимости Женевских Конвенций 1949 года и Гаагского положения 1907 года к международным организациям. Многие, если не все, положения этих документов, закрепляют нормы международного обычного права и применимы к международным организациям. Вместе с тем, учитывая сложность этой темы, Комиссии следует применять осторожный подход и не допускать обобщений, когда речь идет о применимости норм, действующих в период оккупации, к международным организациям. Возможно, этот вопрос следует рассмотреть в комментарии.

Переходя к рассмотрению отдельных проектов принципов, он согласен с содержанием проекта принципа 19, но готов поддержать включение в него предложенного г-ном Мурасэ пункта было относительно применимости права прав человека в условиях оккупации, а также разъяснить в комментарии употребление слов «если только к этому нет непреодолимых препятствий». Как отметила Специальный докладчик в своем докладе, экологическое регулирование является, по крайней мере, в некоторой степени, обязательством, которое взяли на себя почти все государства. Вместе с тем, важно, чтобы такое регулирование оставляло место для будущих достижений в области науки и техники. Кроме того, такое развитие должно сопровождаться процессом содержательных консультаций, которые имеют последствия для признания права на самоопределение. По крайней мере, в том, что касается долгосрочных ситуаций оккупации, соблюдение обязательства в соответствии со статьей 43 Гаагского положения принять все возможные меры для того, чтобы «насколько возможно, восстановить и обеспечить общественный порядок и общественную жизнь», вероятно, обеспечивает оккупирующему государству основания для принятия мер, которые, по его утверждениям, нацелены на усиление защиты окружающей среды в оккупированном государстве в течение определенного периода времени.

При этом он также понимает обеспокоенность г-на Раджпута в отношении того, что Комиссии не следует стремиться к тому, чтобы узаконить оккупацию путем создания норм, которые будут, по-видимому, применяться только в условиях затяжных ситуаций оккупации или которые могут повлиять на экономические или социальные структуры оккупированных государств. Разумеется, необходимо обеспечить равновесие между международными обязательствами оккупирующих и оккупированных государств.

Он также поддерживает содержательные элементы проекта принципа 20 и соглашается со Специальным докладчиком в том, что он был составлен в соответствии с правилами обычного международного права, кодифицированными в статьях 43 и 55 Гаагского положения. Ссылки на устойчивое развитие и концепцию узурфрукта в пунктах 31 и 91 доклада чрезвычайно полезны. Он приветствует признание взаимосвязи между использованием природных ресурсов и правом на самоопределение оккупированного государства, а также ссылки на Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям 1949 года. Статья 55 Протокола конкретно обязывает государства проявлять заботу о защите природной среды от широкомасштабного, долговременного и серьезного ущерба, и включает «запрещение использования методов или средств ведения войны, которые имеют целью причинить или, как можно ожидать, причинят такой ущерб природной среде и тем самым нанесут ущерб здоровью или выживанию населения».

Он не разделяет озабоченность, выраженную предыдущими ораторами по поводу значимости окружающей среды для концепции устойчивого развития, которая

является одной из наиболее распространенных тем в области международного экологического права. В статье 4 Рио-де-Жанейрской декларации по окружающей среде и развитию весьма четко признается обязательство международного сообщества государств укреплять защиту окружающей среды, а статья 7 предусматривает концепцию общей, но дифференцированной ответственности, которая присутствует во всех дискуссиях по вопросам устойчивого развития и экологической ответственности. Таким образом, по его мнению, баланс в усилиях по достижению устойчивого развития должен сочетать право развивающихся стран развивать свою экономику и право всех государств и будущих поколений на благоприятную окружающую среду. Различные аспекты охраны окружающей среды также были четко закреплены в целях в области устойчивого развития. В связи с этим он не считает, что правильным было бы сказать, что концепция устойчивого развития не включает в себя усиление защиты окружающей среды. Хотя он согласен с другими ораторами в том, что устойчивость в значительной степени является политическим, а не правовым принципом, следует упомянуть тот факт, что некоторые государства приняли на себя правовые обязательства, касающиеся устойчивого развития, в рамках их обязательств по смягчению последствий изменения климата и другого экологического вреда в контексте определенных природоохранных соглашений.

Он также согласен с проектом принципа 21, предусматривающим установление обязанности оккупирующего государства не наносить ущерба окружающей среде других государств или районов за пределами их эффективного контроля. Эта концепция была изложена в принципе 21 Декларации Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды (Стокгольмская декларация) и в принципе 2 Рио-де-Жанейрской декларации по окружающей среде и развитию. Как справедливо отметила Специальный докладчик, этот проект принципа соответствует концепции должной осмотрительности, которая была непосредственно применена к оккупации в консультативном заключении Международного Суда по делу *Юридические последствия для государств, вызываемые продолжающимся присутствием Южной Африки в Намибии (Юго-Западная Африка) вопреки резолюции 276 (1970) Совета Безопасности*.

Что касается будущей работы, то он полностью поддерживает решение Специального докладчика рассмотреть вопросы, конкретно касающиеся, в частности, немеждународных вооруженных конфликтов. С учетом характера многих современных конфликтов и их явного воздействия на окружающую среду и жизнь и благополучие людей, работа по этой теме было бы неполной без рассмотрения немеждународных вооруженных конфликтов.

В заключение он поддерживает передачу всех трех проектов принципов в Редакционный комитет и выражает надежду на то, что его замечания будут учтены.

Заседание закрывается в 13 ч 05 мин.